

Джеймс Ф. Браун

СССР И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

1. Значение Восточной Европы для Советского Союза

Сохранение и укрепление контроля над Восточной Европой можно по праву считать важнейшим аспектом советской внешней политики. Объясняется это огромным значением Восточной Европы для Советского Союза, которое определяется не одним, а несколькими факторами, причем относительное значение каждого из них меняется от одного исторического периода к другому в зависимости от того, как их оценивает тот или иной руководитель советского государства.

Кратко эти факторы можно определить так:

1. Фактор военной безопасности СССР.

Контроль над Восточной Европой, которого Советский Союз добился после Второй мировой войны, означает для СССР создание буферной зоны на случай нападения западных держав. Непосредственно после Второй мировой войны и в годы т.н. холодной войны этот фактор был для советских руководителей, вероятно, самым значительным. Особенно важен он был и продолжает быть для военных. Правда, за последние тридцать лет радикально изменились методы и техника ведения войн, и в атомном веке значение Восточной Европы как буфера значительно уменьшилось. Но все же даже сейчас военная наука продолжает уделять большое внимание наземным силам в Европе, так как при ограниченном военном конфликте с применением обычных видов оружия их значение очевидно. Во всяком случае, размещение тридцати одной советской дивизии на территории Восточной Европы, — а это количество намного превышает потребности политического контроля над ней, — свидетельствует об

огромном значении этого региона для Советского Союза как зоны, обеспечивающей его безопасность.

2. Восточная Европа как трамплин.

СССР рассматривает Восточную Европу и как трамплин — либо для военного нападения на Западную Европу, либо для укрепления политического влияния на нее (или хотя бы на Западную Германию). После провала берлинской блокады и создания НАТО советское руководство реже заигрывает с идеей военной агрессии против Западной Европы. Но нельзя отрицать, что политическое проникновение в Западную Европу или дипломатическая манипуляция ею, которые опираются на сохранение статус-кво в Восточной Европе, во времена Сталина и Хрущева, как и при Брежневе, представляют собой одно из основных направлений советской политики.

3. Восточная Европа в свете учения о коммунистическом интернационализме.

Советский Союз рассматривает Восточную Европу также и в терминах идеологической экспансии. В этом смысле она — авангард коммунизма, который, в союзе с СССР, движет вперед мировую революцию. Нет сомнения, что в политике и мышлении Хрущева эта роль Восточной Европы доминировала. В то время советская внешняя политика ставила перед Восточной Европой особую задачу, составной частью которой была всемирная революция. Правящие в странах Восточной Европы партии призваны были служить образцом для мирового коммунистического движения.

4. Восточная Европа как зона, обеспечивающая идеологическую безопасность СССР.

Эта впервые сформулированная Ричардом Левенталем концепция подразумевает, что советские руководители стремятся защитить свою закрытую систему от проникновения идеологических и политических влияний извне. Сознывая опасность такого проникновения, советское руководство видит в Восточной Европе буфер не только в связи с возможностью военной агрессии, но и с идеологическим влиянием окружающего мира. Эта концепция объясняет стремление советского руководства строго

контролировать Восточную Европу и поддерживать в странах этого региона политические системы, аналогичные советской. Впрочем, тут советские руководители столкнулись с определенными трудностями, так как в буферной зоне стали рождаться реформистские коммунистические идеи, которые куда более опасны, чем буржуазно-либеральные идеи, способные просочиться в Советский Союз с Запада. Трактовка Восточной Европы как зоны, обеспечивающей идеологическую безопасность СССР, весьма характерна для периода правления Брежнева.

Приведенные выше четыре фактора, в сумме или в отдельности, без сомнения влияли на политические решения советского руководства после Второй мировой войны. Для Сталина, Хрущева и Брежнева главную роль при оценке значения Восточной Европы играли военные соображения. Важен также и фактор "трамплина", хотя в разные периоды его оценивали по-разному. Тут следует различать два аспекта. Что касается идеи использовать Восточную Европу как трамплин для военной агрессии, то она за последние 25 лет претерпела существенные изменения. Однако как опора идеологического проникновения на Запад и дипломатических манипуляций им область Восточной Европы сохраняет свое значение по сей день. Восторженный и уверенный в себе Хрущев воспринимал мировую политику хотя бы в известной степени сквозь призму идеологии, а это не только не ослабляло, но напротив, укрепляло его желание подорвать западную систему или использовать ее слабости. Для руководства Брежнева стремление сохранить СССР как закрытое общество, расширяя при этом его влияние в мире, — две стороны одной и той же медали. Советский Союз долго старался создать систему европейской безопасности, и основная цель, которая за этим скрывалась, заключалась не столько в том, чтобы сохранить статус-кво, — что, без сомнения, было одним из мотивов, — сколько стимулировать такое развитие стран Западной Европы, которое привело бы к благоприятным для Советского Союза социальным переменам. Это, кстати, совершенно откровенно подчеркивали советские публицисты.

Третий и четвертый из указанных факторов могут помочь в определении различий между эрой Хрущева и эрой Брежнева. Уверенно "интернационалистический" взгляд Хрущева на Восточную Европу позволял ему мириться с экспериментальными намерениями в этом регионе. С другой стороны, "идеологиче-

ская неуверенность” Брежнев в какой-то мере объясняет как советское стремление к строгому контролю над Восточной Европой, так и требования ортодоксальности от режимов этих стран. Таким образом, различие в оценках роли Восточной Европы в широких масштабах советской внешней политики непосредственно влияет на ее методы и очередность ее задач.

II. Цели СССР в Восточной Европе

Привнесенная в Восточную Европу сталинская система имела две цели.

Во-первых, она призвана была придать этой области заранее установленный вид. В плане международных отношений это осуществлялось путем установления в странах Восточной Европы руководства, пользующегося доверием Москвы. Что же касается внутренней политики стран Восточной Европы, то цель Москвы -- то есть создание в этих странах системы советского типа -- осуществлялась посредством революционных перемен, в результате которых должна была быть создана база для строительства именно такого, то есть советского типа, социализма.

После смерти Сталина Москва стремилась достичь оптимального баланса между ”жесткой связью” и ”подвижностью” внутри советского блока.*

Признаются определенные различия между отдельными странами, порожденные специфическими местными условиями их развития, но в то же время требуется и согласованность в их внутренней и внешней политике. ”Жесткая связь” предполагает одинаковость институтов, которые осуществляли бы политические директивы СССР в других странах. Предоставление странам Восточной Европы права на ”подвижность” можно рассматривать как выражение известной меры доверия со стороны СССР, как веру в то, что компартии этих стран способны добиться прочного положения и тем самым смягчить необходимость чрезмерного советского контроля над ними.

* Под ”жесткой связью” Дж. Браун подразумевает процесс сплочения стран Восточной Европы друг с другом и всех вместе с СССР, а под ”подвижностью” -- возможности более или менее самостоятельного развития восточноевропейских стран в рамках советского блока. -- Примеч.ред.

Предложенные нами понятия помогают анализировать взаимоотношения между СССР и странами Восточной Европы. Изучая советскую политику в этом регионе, мы видим, что корреляция между ”жесткой связью” и ”подвижностью”, то есть самостоятельным развитием отдельных стран -- важнейший критерий успеха советской политики, ее политический императив. С точки зрения советских целей эти два понятия нераздельны. Правда, в другой взаимосвязи ими можно оперировать независимо. Но мы говорим именно о советских целях, а потому должны пользоваться этими понятиями одновременно, ибо с советской точки зрения, между ”жесткой связью” и ”подвижностью” должен быть найден определенный баланс, гармония. Однако тридцатилетний опыт отношений между Советским Союзом и Восточной Европой продемонстрировал, -- и мы пытаемся это доказать, -- что именно стремление сбалансировать ”жесткую связь” с подвижностью рождает трудности, с которыми, вероятно, Советскому Союзу еще долго придется иметь дело. Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, что ”жесткая связь” и ”подвижность” не только не дополняют друг друга, но скорее оказываются противоречивыми и исключаящими друг друга тенденциями.

Относительная подвижность, которую можно наблюдать в Восточной Европе начиная с конца пятидесятых -- начала шестидесятых годов, осложнила, -- с советской точки зрения, -- ”жесткую связь”. А ”жесткая связь”, которая была навязана Восточной Европе после оккупации Чехословакии, не сопровождалась, по имеющимся у нас данным, той степенью ”подвижности”, которая бы удовлетворила Москву и создала желательное для нее равновесие.

III. Период Хрущева

На протяжении почти целых четырех лет после смерти Сталина у Советского Союза не было последовательной политической линии по отношению к Восточной Европе. Причина этого заключалась, видимо, в разногласиях в московском руководстве, в его неспособности осознать реальное положение вещей, которое требовало радикальных действий, а не полумер. Новые реалии дали о себе знать незамедлительно в волнениях 1953 года -- в Пльзене и в Восточном Берлине. Советским ответом были эко-

номические и политические уступки, известные на Западе под названием "нового курса". Эти уступки были скорее реакцией на пошатнувшееся после смерти Сталина положение, но не выражением принципиально новых идей относительно того, как управлять Восточной Европой. Следует отметить в этой связи такие события, как визиты дружбы Хрущева — в Китай в 1954 и в Югославию в 1955 годах. Что же касается других стран Восточной Европы, то в это время Советский Союз активно участвует в формировании новых составов руководства стран с целью обеспечить их большую внутривластическую устойчивость. Такое вмешательство едва ли можно расценить как "новую систему" отношений.

Волнения в Венгрии и Польше произошли как раз потому, что навязанную этим странам нежизнеспособную сталинскую систему не позаботились заменить после смерти Сталина принципиально новой. Эту оплошность Хрущев и старался исправить после 1956 года. В этом году, году венгерской революции и волнений в Польше, руководство Хрущева не только добилось признания в Советском Союзе, но и упрочило свое положение. Была также достигнута видимость единства международного коммунистического движения. Хрущев получил возможность приступить к поиску новой системы отношений со странами Восточной Европы.

Попытки Хрущева создать в Восточной Европе жестко связанную и в то же время подвижную систему, как и отдельные его успехи в этом направлении, хорошо известны. Поэтому нет смысла на этом останавливаться. Хрущев по-новому сформулировал теоретические принципы равенства в отношениях между правительствами социалистических государств. Исходя из этих принципов, он рассматривал Варшавский договор и Совет Экономической Взаимопомощи как орудия обеспечения более прочной "жесткой связи" как между СССР и странами Восточной Европы, так и между ними самими. В то же время Хрущев более энергично по сравнению с его предшественниками и преемниками подчеркивал необходимость подвижности стран Восточной Европы, которую считал столь же важной для достижения советских целей, как и "жесткую связь". Насколько искренне Хрущев или его советники верили, что чем больше "подвижность", тем устойчивее "жесткая связь", понимали ли они эти два аспекта диалектически, — как единство противоположностей, — труд-

но сказать. Столь же трудно решить, были ли действия Хрущева вполне осознаны. Вероятно, Хрущев больше, чем другие руководители Советского Союза, полагался на элементарные, звучащие как лозунги, идеи, а потому импровизировал, надеясь осуществить их на практике. Но несмотря на противоречия между концепциями Хрущева и его не совсем обычными методами, следует признать, что он все же старался оживить коммунистическую систему, сделав ее и более привлекательной, и более устойчивой. Ломая жесткие рамки сталинской системы, Хрущев проводил такую же политику непосредственно в СССР. И это косвенно влияло на внутривластическое положение стран Восточной Европы.

Влияние хрущевских мероприятий в странах Восточной Европы было огромно — как в области межгосударственных отношений, так и во внутренней политике. Восточноевропейские государства постепенно начали приучаться защищать свои права, — разумеется, речь не идет о национальной государственности, но, по крайней мере, эти страны могли отстаивать свои отличия в масштабах, которые при Сталине были немыслимы.

Советский Союз, конечно, не собирался предоставлять странам Восточной Европы нечто большее, чем видимость независимости. Возникавшие на этот счет иллюзии Хрущев рассеивал незамедлительно. И все же при нем возник климат, благодаря которому руководство стран Восточной Европы (а в некоторых случаях он сам настоял на переменах в их руководстве) могло добиться в отношениях с Советским Союзом определенной автономии. Тем самым и восточный блок приобрел некоторые типичные черты межгосударственных союзов — он мог оказывать давление на своего основного партнера — СССР, мог вести с ним переговоры.

Достигнутая странами Восточной Европы автономия стимулировала перемены в их внутренней политике. Мы имеем в виду десталинизацию, которая, как тогда казалось, осуществлялась и в самом СССР. Внутренние перемены в отдельных странах Восточной Европы были различны. Отличия обуславливались несколькими факторами. Наиболее значительные из них:

- уровень экономического развития;
- степень давления со стороны общественности и степень уверенности правящей элиты в своей силе.

В некоторых случаях достигнутая отдельными странами авто-

номия скорее препятствовала серьезным внутриполитическим переменам. Как пример можно привести Румынию, Чехословакию до 1962 года, Польшу после 1958 года. И все же потребность в переменах, которая чувствовалась в странах Восточной Европы и подкреплялась примером Советского Союза, где проходил процесс десталинизации, вызвала к жизни серьезные реформы и эксперименты. Был сделан шаг вперед в сторону "подвижности" восточноевропейских стран, предприняты попытки сделать коммунистическую партию более легитимной.

Проведенные в странах Восточной Европы реформы также иллюстрируют различия между ними. Различной оказалась и судьба этих реформ. В ГДР и Венгрии они увенчались серьезными успехами, в Чехословакии реформы послужили импульсом, ускорившим процесс политической трансформации, который принято называть "Пражской весной". В Болгарии реформы были свернуты практически до их внедрения. Но важно не только то, насколько реформы преуспели или потерпели поражение. Сама возможность реформ способна воздействовать на политическую и социальную жизнь данной страны. Даже самые осторожные реформы, поскольку они означали отход от прежней директивной экономической системы, способствовали внедрению элементов плюрализма также и в других областях общественной жизни. Именно это осознали мужественные и вдумчивые реформаторы, именно этот процесс они старались ускорить. Но именно это поняли, со своей стороны, и сообразительные аппаратчики, которые всячески старались этот процесс затормозить. Однако наперекор их усилиям в Чехословакии и Венгрии начали развиваться зародыши новых форм политической жизни (не говоря уже о Югославии, которая преобразовала свою систему в совершенно иных условиях). В этих странах начали не только признавать наличие общественных и профессиональных групп со своими особыми интересами (они фактически существовали всегда), но и считаться с ними. В результате изменился характер так называемой руководящей роли компартии -- по теории марксизма-ленинизма, ведущей общественной силы. По мере развития взаимоотношений между различными группами давления контроль партии над общественной жизнью становился менее тотальным, хотя власти всячески это опровергали.

Не следует, конечно, преувеличивать масштабы перемен. Нас больше интересуют потенциальные возможности, а не реа-

лии. Если исключить Югославию, то только в Чехословакии и Венгрии были ощутимы названные выше симптомы. Но несмотря на все оговорки, следует признать, что в шестидесятые годы развитие плюрализма в некоторых государствах Восточной Европы стало политическим фактом, значение которого постоянно возрастало.

В октябре 1964 г. Хрущев был смещен, но начавшийся при нем в Восточной Европе процесс продолжался еще несколько лет. В этом смысле хрущевский период кончился для Восточной Европы в августе 1968 года. Начатое во времена Хрущева движение по инерции получило ускорение после его отставки. Если бы Хрущев оставался у власти, он сам наверняка попытался бы его остановить. Он позволил прийти в движение силам, значение которых явно недооценил. Одна из них -- национализм народов Восточной Европы. Поразительно, что человек, который вырос на Украине, не сознавал значения национализма. Вторая не учтенная Хрущевым сила -- сформировавшиеся в обществах Восточной Европы политические, экономические, социальные и культурные тенденции, которые оказались в оппозиции к власти компартии.

Силы, которые предполагалось употребить для укрепления власти компартии, на деле ее подрывали. Чем больше была степень "подвижности" стран Восточной Европы, тем дальше отодвигалось установление "жесткой связи" этих стран между собой и всех их вместе с Советским Союзом.

Для иллюстрации к сказанному можно сослаться на три примера. Характерно поведение руководства Албании, которая, исходя из национальных мотивов, воспользовалась советско-китайским конфликтом, чтобы сменить советскую опеку на китайскую. И еще более серьезные примеры Румынии и Чехословакии. В Румынии государственная автономия переросла в националистическую внешнюю политику, которая отвергла гегемонию СССР, -- не так, правда, откровенно, как Албания, но зато последовательно, умело манипулируя различными факторами, из которых наиболее важен советско-китайский конфликт. В Чехословакии внутриполитические реформы стремительно двигались в сторону отрицания всех известных вариантов коммунистической системы. Эти процессы -- и в Румынии, и в Чехословакии -- начались еще при Хрущеве; именно он сделал их возможными, но активизировались они после его отставки.

Причин, почему реформы активизировались именно после 1964 года, было несколько, но наиболее важны две.

Первая заключалась в недостаточной последовательности советского руководства в восточноевропейских делах в первые три года после падения Хрущева. (В этом смысле можно провести аналогию между периодами 1964-1968 и 1953-1957 гг.) Это самым ярким образом проявилось в отношениях с ФРГ, которые в шестидесятые годы были для советского блока первоочередной международной проблемой. Инициатива Киссинджера — Брандта в 1966 году, которая предусматривала установление дипломатических отношений между странами Восточной Европы и ФРГ, вызвала в Москве растерянность, в результате чего возник разброд и в восточноевропейских странах. Румыния сразу откликнулась согласием. Не было сомнений, что Венгрия, Болгария и даже Чехословакия тоже готовы принять протянутую руку. Колебания Советского Союза дали возможность Ульбрихту и Гомулке оказать влияние на решение советского блока об отношениях с Западной Германией, причем степень этого влияния совершенно не соответствовала положению Ульбрихта и Гомулки в блоке.

В начале 1967 года Румыния независимо от других восточноевропейских стран установила дипломатические отношения с Бонном. Однако остальные от подобного шага отказались. Тогда же началась активная антизападногерманская кампания Москвы. В декабре 1966 — январе 1967 годов могло создаться впечатление, будто право решающего голоса — за Варшавой и Восточным Берлином. И это свидетельствует о том, что в то время у советского руководства не было ни идей, ни направления, и этот вакуум был даже более серьезен, чем после смерти Сталина. Новое советское руководство было занято тогда укреплением своих собственных позиций в стране, а потому не могло проводить решительную политику в Восточной Европе.

Вторая причина активизации реформ после отставки Хрущева заключалась в том, что их влияние, их сущность и возможные последствия стали очевидны только некоторое время спустя. Наиболее показательна в этом отношении фундаментальная перестройка Чехословакии. Чехословацкие метаморфозы начались еще в 1963 году, но их взрывчатый эффект обнаружился лишь к началу 1968 года.

IV. "Жесткая связь" между Восточной Европой и СССР в период Брежнева (1968 — 1975 гг.)

Реформы в Восточной Европе связаны с эрой Хрущева. Советская оккупация Чехословакии знаменовала окончание этой эры и начало нового периода, когда соотношение между "жесткой связью" и "подвижностью" резко сдвинулось в сторону первой. Воздействие Пражской весны на другие страны Восточной Европы, да и на Советский Союз, убедило советское руководство в необходимости покончить с экспериментами и реформами шестидесятых годов. Положение, по мнению советских руководителей, требовало контрреформ, возврата к ортодоксальной политике, то есть восстановления строгого контроля над Восточной Европой и иммунизации самого Советского Союза против опасной чехословацкой заразы.

Однако насущная необходимость такой иммунизации была не единственной потребностью, которые обусловили перенесение акцента на "жесткую связь" и закрепление советского контроля над Восточной Европой. В марте 1969 г. страны Варшавского договора заявили о необходимости разрядки международных отношений и созыва конференции по вопросам европейской безопасности. Это случилось за несколько недель до того, как Дубчек был освобожден от должности первого секретаря КПЧ, чем политически завершилась военная оккупация, начатая в августе 1968 года. Возможно, это было всего лишь случайным совпадением. Но хронологическая последовательность этих событий все-таки подчеркнула связь между решимостью советского руководства покончить с заразой в своей сфере влияния и его намерением сделать все возможное, чтобы предотвратить проникновение той же заразы с Запада, чему могла способствовать т.н. Westpolitik Брежнева.

Китайский фактор

Разрядка международной напряженности, усилия ее достигнуть, учет ее перспектив наверняка диктовали необходимость установления "жесткой связи" и обеспечение устойчивости Восточ-

ной Европы. Публикация Будапештского обращения* почти одновременно с заменой Дубчека Гусаком символизирует взаимозависимость чехословацких событий и профилактических средств в предвидении возможных последствий разрядки международной напряженности. Было бы заманчиво отметить также вероятность взаимосвязи Будапештского обращения отставки Дубчека и столкновения советских частей с китайскими на реке Уссури.

Военный конфликт с Китаем или предвидение его неизбежно побуждало советское руководство решить, как наилучшим образом обеспечить стабильность Восточной Европы. А поскольку брежневское руководство пыталось восстановить "жесткую связь" в Восточной Европе как раз тогда, когда столкновение на Уссури могло восприниматься Москвой как увертюра к военному конфликту с Китаем, то с определенной степенью вероятности можно было бы добавить и этот фактор к двум уже упомянутым. К конфликту на Уссури Москва отнеслась очень серьезно, переместив значительное количество воинских частей в восточные области Советского Союза. Но все же у нас нет достаточно убедительных доказательств, что именно этот конфликт послужил причиной перехода советского государства на военные рельсы, изменив тем самым и его политику в Восточной Европе. Конфликт на Уссури и китайская угроза, если рассуждать реалистически, не могут быть расценены как мотив, который определил советскую политику в Восточной Европе начиная с 1969 года.

С другой стороны, соперничество Китая с Советским Союзом в борьбе за влияние на Восточную Европу — фактор, несомненно, серьезный. В 1956 г. китайское руководство отнеслось положительно к советскому вмешательству в Венгрии и Польше; оно поддержало также советские попытки 1957 года восстановить единство социалистических стран. Но когда советско-китайский конфликт стал фактом, Албания порвала с Москвой, отдав предпочтение опеке Пекина, а Румыния воспользовалась

* Обращение ко всем европейским странам относительно подготовки и проведения общеевропейского совещания с целью найти пути и средства, ведущие к ликвидации раскола Европы на военные группировки и осуществлению мирного сотрудничества между европейскими государствами и народами, к созданию прочной системы коллективной безопасности.

создавшимся положением, чтобы расширить свою государственную автономию. Летом 1971 года отношения между Советским Союзом с одной стороны и Югославией и Румынией — с другой, представлялись весьма и весьма прохладными, а западные специалисты начали серьезно изучать проблему "Балканского треугольника" (Румыния, Югославия, Албания), который как будто бы переориентировался на Китай. Эти спекуляции рассеялись очень быстро — советская политика стала более примирительной, а Белград и Бухарест более реалистически оценили возможности Китая их защитить. Семь лет спустя, летом 1978 года, в Китае пришло к власти новое руководство, и председатель Хуа Гофэн посетил Югославию и Румынию. Албания к тому времени с Китаем порвала. Цель Китая очевидна — создавать для Советского Союза трудности где и когда только можно. Цель эта была достигнута, поскольку визит Хуа Гофэна действительно поставил Москву в неприятное положение, вызвав ее гнев. Рано, однако, предсказывать влияние этого визита на будущее. Москве стало ясно, что Пекин проявляет к Восточной Европе ослабевающий интерес, стараясь подорвать ее связи с Советским Союзом. Но едва ли эти попытки могут создать серьезную угрозу советским интересам.

Интеграция и единодушие

Советская оккупация Чехословакии должна была подавить элементы "стихийности", характерные для Восточной Европы шестидесятых годов. И на самом деле, навязанная Чехословакии "нормализация" побуждала опасаться, что пресечение чехословацкого эксперимента повлечет за собой восстановление отношений между Восточной Европой и СССР, которые существовали при Сталине.

Но действительность оказалась сложнее. Чтобы добиться "жесткой связи," Советский Союз провел ряд комплексных мер, направленных на всестороннюю интеграцию. Опираясь на свои вооруженные силы, на Варшавский договор, на свой контроль над вооруженными силами Восточной Европы, используя оккупацию Чехословакии как угрозу другим странам, выдвинув доктрину Брежнева как идеологическое обоснование этой угрозы и т.д. и т.п., советское руководство приступило к созданию таких условий в Восточной Европе, при которых оккупация будет уже не нужна.

Термин "интеграция" обычно ассоциируют с экономикой. В отношениях Советского Союза с Восточной Европой "интеграция" означает использование экономического потенциала и самого Советского Союза, и стран Восточной Европы через посредство Совета Экономической Взаимопомощи. Здесь брежневское руководство продолжает начатое Хрущевым. Но если Хрущев предполагал ускорить интеграцию при помощи надгосударственных органов планирования, осуществить ее "сверху", и это успехом не увенчалось, то Брежнев, как политик более реалистичный и терпеливый, рассчитывал ускорить интеграцию, систематически переплетая основные элементы экономики стран Восточной Европы друг с другом и, в первую очередь, с аналогичными элементами советской экономики, то есть провести ее "снизу". Эта многосторонняя и перспективная программа была публично декларирована. Ее осуществление началось с согласия нескольких государств Восточной Европы, и Румынии в том числе, на свои капиталовложения в добывающую промышленность СССР в рамках согласованного плана многосторонних интеграционных мероприятий, который вступил в действие в 1976 году. Предполагалось сделать переплетение экономик комплексным настолько, чтобы надгосударственное планирование стало логической, естественной кульминацией межгосударственной кооперации.

Можно бы, следовательно, думать, что экономическая интеграция представляет основной аспект советских планов в Восточной Европе. Однако брежневская концепция интеграции шире и идет дальше. Советский Союз стал форсировать также политическую, культурную, идеологическую и, разумеется, военную интеграцию. Совещание первых секретарей компартий -- всего лишь один из многочисленных форумов, на которых регулярно обсуждаются разные аспекты интеграции стран Совета Экономической Взаимопомощи.

На первый взгляд, такие обсуждения различных вопросов с союзниками выглядят как настоящие консультации. Иллюзия усиливается еще и тем, что многие встречи представителей стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи проводятся в столицах Восточной Европы, а на многих председательствуют их официальные деятели. Но не такие внешние признаки определяют действительно консультативную систему. Неравноправие партнеров молчаливо всеми признается и влияет как на ход дис-

куссий, так и на процесс принятия решений. Из этого, правда, не следует, что не бывает горячих споров и расхождений; иногда советским представителям вовсе не легко добиться единогласия. Часто не в унисон выступали румыны. Иногда румынская делегация просто отсутствовала на совещаниях, предполагаемые решения которых противоречили румынскому пониманию государственного суверенитета. Но если румынская делегация даже присутствовала, то иногда отказывалась соглашаться с советской точкой зрения, несмотря на согласие остальных делегаций. Впрочем, не всегда румыны бывали в одиночестве. Судя по материалам, которые опубликованы в венгерской экономической прессе, на различных совещаниях в рамках Совета Экономической Взаимопомощи со своим особым мнением выступали и венгерские делегаты -- например, по вопросам конвертируемой валюты или сотрудничества предприятий разных государств. Бывали случаи, когда венгерская точка зрения существенно отличалась от советской.

Подобным образом вели себя и поляки, и представители Восточной Германии. Можно даже предположить, что ради сохранения иллюзии, будто вопросы действительно обсуждаются, Советский Союз временами намеренно допускал победу по маловажным проблемам точки зрения, отличной от своей собственной. Косное требование всеобщего и постоянного послушания принесло бы больше вреда, чем пользы. Кроме того, советские делегации иногда поощряли дискуссии, поскольку они снабжали их информацией о взглядах союзников по самым различным вопросам. Так, допускалось и некоторое инакомыслие, и даже защита интересов других стран -- членов СЭВа. Но по самым важным вопросам разномыслие не допускалось, а особая позиция Румынии завершалась формулировкой ее особого мнения.

Такая тактика не означает, что в случае необходимости Брежнев и советское руководство отказываются от откровенного нажима. Свидетельство тому -- смещение Ульбрихта весной 1971 г. и давление на Румынию и Югославию летом того же года. Есть основания предполагать, что Советский Союз непосредственно вмешивался во внутренние дела Польши. Некоторые персональные и политические перемены в Венгрии в марте 1974 года тоже были проведены под советским влиянием. И все же Советский Союз предпочитает, когда необходимости в прямом нажиме нет.

Анализируя концепцию интеграции, которая определяла политику Советского Союза в Восточной Европе после 1968 года, можно выделить четыре основные сферы ее применения: экономика; вооруженные силы; политика — внутренняя и внешняя; партийные дела — идеология и партийное строительство.

1. Совет Экономической Взаимопомощи был создан еще при Сталине, который впоследствии его игнорировал, и был укреплен во времена Хрущева, видевшего в нем исключительно важное орудие достижения единства социалистических стран: Руководство Брежнева превратило СЭВ в инструмент усиления зависимости экономической инфраструктуры Восточной Европы от Советского Союза. Мы наблюдаем развитие СЭВа начиная с 1970-х годов. В 1970 году создается Международный инвестиционный банк, решения которого принимались уже не единогласно, а большинством голосов. На практике это означало, что ни одна какая-либо страна, — допустим, Румыния, — ни несколько стран, если они оказывались в меньшинстве, не могли помешать осуществлению того, чего хотелось Советскому Союзу. Год спустя была принята "Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ". Первый согласованный план многосторонних интеграционных мероприятий вошел в силу в начале 1976 года. Этот план предусматривал создание совместных предприятий, основанных на тех отраслях добывающей промышленности, в которых страны Восточной Европы были особенно уязвимы. Их зависимость от Советского Союза наглядно проявилась еще в 1975 году, когда Советский Союз резко повысил в торговле со странами — членами СЭВ цены на нефть и другие виды сырья. Правда, цены на нефть в этой торговле все еще ниже мировых, но чтобы выяснить подлинную цену, которую приходится платить странам Восточной Европы за энергию, надо учесть их постоянно растущие капиталовложения в энергетическую и добывающую промышленность СССР. Повышение цен на горючее отражает также связь экономики Восточной Европы с мировым энергетическим кризисом, который начался в семидесятые годы.

2. После оккупации Чехословакии Москва осуществила переосмысление задач Варшавского договора, для видимости предоставив странам Восточной Европы право совещательного голоса. Это было продемонстрировано во время встречи на высшем уровне, которая состоялась в Будапеште в апреле 1969 г. Но к процессу принятия решений в рамках Варшавского договора страны Восточной Европы так и не были допущены. Можно даже сказать, что Варшавский договор — вообще не организация союзников. Это, в частности, объясняет, почему Румынии удалось свести к минимуму свое военное участие в нем. Она держится в стороне от маневров стран Варшавского договора, имея при этом военные контакты со странами — членами НАТО и Китаем. На совещании руководителей стран Варшавского договора, которое состоялось в ноябре 1978 года, Советский Союз заставлял союзников принять на себя два очень важных обязательства: во-первых, повысить военные расходы, а, во-вторых, оказать военную поддержку Вьетнаму, хотя в каком виде — остается неясным. Однако Румыния отказалась повысить расходы на вооружение и заявила об этом публично. Другие неохотно присоединились к советской инициативе. Что же касается Вьетнама, то словесно его поддерживали с энтузиазмом, но помимо этого подробности пока не известны.

3. Советский Союз все еще находится в процессе поисков новых средств контроля над внешней политикой государств Восточной Европы. Уже в 1965 г. брежневское руководство возвратилось к идее Хрущева использовать совещания в рамках Варшавского договора для координации их внешнеполитического курса. Румыния снова открыто выступила против. Очень возможно, что аналогичную позицию заняли и другие. Так что Москва пока вынуждена довольствоваться двусторонними договорами, заключенными ею со всеми странами советского блока, которые, за исключением договора с Румынией, предусматривают координацию действий также в области международных отношений.

4. Восстановив после оккупации Чехословакии контроль над КПЧ, Советский Союз пытался добиться того же и по отношению к компартиям других стран Варшавского договора. Было предпринято инспирированное Москвой интенсивное идеологическое наступление. Международные совещания работников иде-

ологического фронта, агитпропа и партийного строительства подтверждают первоочередное значение, которое придается координации идеологической работы. О создании нового Коминформа пока не слышно, но нет сомнения, что Советский Союз очень заинтересован, чтобы идеологический контроль усилился. Правда, и тут он натолкнулся на открытое сопротивление как некоторых правящих компартий, например Румынии и Югославии, так и не находящихся у власти коммунистических партий Западной Европы. На совещании компартий Европы, которое состоялось в Восточном Берлине в 1976 году, постановление о координации межпартийного сотрудничества так и не было принято, что, впрочем, не означает, будто в межпартийных отношениях полностью утвердился принцип равенства.

Иллюзия о возможности гибкой связи

Перечисленные процессы и их орудия призваны были восстановить "жесткую связь" или, вернее, создать новый тип "жесткой связи" Советского Союза со странами Восточной Европы. Но чтобы такая связь стала реальностью, необходимо, по крайней мере, сделать общества стабильными. Компартии Восточной Европы и СССР прекрасно это понимают.

Спустя некоторое время после оккупации Чехословакии могло показаться, будто положение в советском блоке стабилизировалось. Но вскоре, в декабре 1970 года, начались волнения в Польше. Эти рабочие волнения не только повлекли за собой перемены в польском государстве, но и потрясли всю систему восточноевропейских стран. Правда, посредством значительных материальных уступок удалось успокоить польских рабочих и ощутимо повысить уровень их жизни. Но отчаянные меры Герека, предпринятые им в начале 1971 года, вынудили и другие партии, включая КПСС, считаться с "потребительским фактором". Впрочем, в ГДР потребительские настроения населения стали учитывать еще до польских волнений. В Венгрии этот учет проявился во введении НЭМ (Нового экономического механизма). Потребительский фактор вошел и в гусаковскую политику "нормализации", причем можно сказать, что эта ее сторона оказалась самой успешной. С конца 1972 года сочли нужным считаться с потребительскими настроениями и в Болгарии. Только в Румынии, из-за мессианского стремления Чаушеску завершить индустриализацию страны, фактор "потребления" так и не

стал компонентом официальной политики, хотя, начиная с 1971 года, средние доходы населения стали заметно повышаться и там.

Внимание к "потребительскому фактору", вероятно, способствовало иллюзии о гибкости одновременно с установлением "жесткой связи." Весьма вероятно, что руководства стран Восточной Европы и СССР действительно считали возможным установить кажущуюся гибкость путем повышения потребительского уровня населения, избегая при этом опасных институциональных реформ, которые имели место в отдельных странах Восточной Европы во времена Хрущева. Какое-то время могло казаться, что все идет по плану. Герек даже стал развивать в Польше своеобразную экономическую философию, которая предусматривала повысить уровень жизни населения и одновременно посредством повышения производительности труда развить народное хозяйство страны. Но действительность ничего общего с этими планами Герека не имела. Повышение благосостояния оказалось кратковременным.

В середине семидесятых годов стало очевидно, что волшебных рецептов достижения гибкой связи, а вместе с тем и жизнеспособности восточноевропейских стран нет и быть не может, поскольку их жизнеспособность может быть результатом только фундаментальных изменений экономики и политической жизни. Говоря иначе, жизнеспособность может быть обеспечена лишь теми условиями, которые были определены коммунистами-реформистами Чехословакии в 1968 году.

V. Ослабление стабильности после 1975 года

Можно считать, что Восточная Европа первой половины семидесятых годов была достаточно стабильна, а советский контроль над ней был прочен и укреплялся. Однако после 1975 года ситуация резко меняется.

Перемены вызваны несколькими причинами:

1. Резкое ухудшение экономического положения.

Ухудшение экономического положения стран Восточной Европы было обусловлено следующим:

а) Советский Союз значительно повысил цены на сырье -- новые цены вошли в силу с 1 января 1975 года.

б) Спад экономической активности наблюдался во всем мире. На Восточной Европе этот застой мировой экономики сказался на два-три года позже, чем на Западной Европе. И все-таки можно сделать вывод, что социалистический Восток не имеет иммунитета от вируса капиталистического Запада.

в) Чрезмерная централизация экономики, к которой после подавления Пражской весны вернулись все страны этого региона, за исключением Венгрии, оказалась недостаточно эластичной. Причем, если в первой половине семидесятых годов, когда экономические условия были относительно благоприятны, трудности стран Восточной Европы удавалось затушевывать, то во второй половине их уже невозможно было утаить.

г) Растущая задолженность некоторых государств Восточной Европы и Западу и Советскому Союзу. Задолженность Западу возникла как следствие роста благосостояния в конце шестидесятых — начале семидесятых годов. Задолженность Москве была вызвана повышением цен на советское сырье, и она легла дополнительным бременем на экономики стран Восточной Европы, которые и без того натолкнулись на трудности.

2. Растущее недовольство населения стран Восточной Европы.

Его причины:

а) Неспособность удовлетворить растущие потребности населения, которое успело привыкнуть к росту уровня жизни. Пример тому — волнения в Польше в 1976 году, вызванные плохим снабжением продуктами питания. Забастовки шахтеров Румынии в 1977 году, прекращения работы в Болгарии и даже Венгрии, свидетельствовали не только о растущей воинственности населения, но прежде всего о его неверии в способность правительств справиться с возникшими проблемами.

б) Усиление требований соблюдать права человека и гражданские права. Наиболее ярко оно проявилось в Польше и Чехословакии, но подобные же явления наблюдались в ГДР, Румынии, Болгарии и Венгрии, не говоря уж о Югославии. Активизацию правозащитных требований мож-

но объяснить увеличением контактов с Западом в результате разрядки международной напряженности. Тем, что эти требования были узаконены совещанием в Хельсинки и подкреплены политикой президента Картера, а также влиянием еврокоммунизма.

Эффекта Хельсинкского совещания в Восточной Европе не предвидел почти никто. Однако, когда в Заключительном Акте Хельсинкских соглашений, которые подписали руководители всех государств Восточной Европы, были провозглашены права человека, одновременно в нескольких странах этого региона возникли правозащитные движения, которые требовали соблюдения зафиксированных Заключительным Актом прав индивидуумов и групп. Право на свободное передвижение, на эмиграцию и целый комплекс политических требований, которые сформулированы в ХАРТИИ-77, выступление венгерского национального меньшинства в Румынии — это лишь отдельные примеры последствий, вызванных соглашением в Хельсинки. Хельсинкское совещание как бы утвердило требования Пражской весны: основные гражданские, политические и социальные права человека. Руководители Советского Союза и стран Восточной Европы поставили свои подписи под Заключительным Актом Хельсинкского совещания, думая, что преимущества этого документа перевешивают его недостатки, рассчитывая легко справиться с содержащимися в нем опасностями. И они серьезно просчитались. Их соображения могли оказаться верны, если бы Хельсинкские соглашения были подписаны на пять лет раньше, когда экономика стран Восточной Европы была более или менее благополучна, но не при начавшейся дестабилизации.

VI. Перспективы

Подведем итоги. Советский Союз в своих отношениях со странами Восточной Европы надеялся установить равновесие "жесткой связи" с "подвижностью." Это обеспечило бы ему доминирующее положение в этом регионе и одновременно самовоспроизводящую жизнеспособность насажденных там режимов, узаконило бы и власть местных коммунистов, и руководящую роль Москвы. Однако эта цель постоянно отдалается. Фактически советское руководство было поставлено перед дилеммой.

Во времена Сталина связь была столь жестка, что парализовала подвижность. При Хрущеве, -- и главным образом, после подавления революции в Венгрии и других волнений 1956 года, -- пытались допустить больше подвижности, но непредвиденно высвободили силы, которые привели к Пражской весне, обеспечили относительную автономию Румынии и стимулировали постоянное недовольство. Брежнев после оккупации 1968 года повернул вспять. На первом плане опять появилась необходимость "жесткой связи," а комплексная интеграция замораживала" подвижность".

Переменится ли курс с приходом к власти преемников Брежнева? Ответить трудно. Это будет зависеть от многого -- от характера нового руководства; от степени стабильности СССР; от мнимой или реальной угрозы со стороны Китая; от отношений между Востоком и Западом; от ситуации в Западной Европе.

Сейчас о желательном Советскому Союзу равновесии и говорить не приходится, ибо для него необходимы по крайней мере три условия:

1. Больше гармонии между обществом и государством.

2. Лучшие отношения между руководством отдельных стран Восточной Европы и Москвой.

3. Признание со стороны общественности стран Восточной Европы советской гегемонии и методов ее осуществления.

Легче всего, конечно, добиться реализации второго условия. Что же касается первого, то при определенных обстоятельствах оно тоже достижимо, как было, например, в Чехословакии во время Пражской весны, в Польше несколько месяцев до и несколько месяцев после октября 1956 года, в Венгрии при Када-ре, в Румынии -- короткий срок после августа 1968 года.

Однако во всех этих случаях общественность страны стремилась либо к ликвидации советской гегемонии вообще, либо к облегчению советского контроля. Это верно и относительно кадаровской Венгрии, которая, признавая советский контроль, всячески старается его ограничить.

Основная трудность связана с обеспечением третьего условия -- признания общественностью стран Восточной Европы советской гегемонии. Здесь все усилия Москвы потерпели полный крах. Здесь и таится основная причина нестабильности Восточной Европы за последние тридцать лет. Именно присутствие Советского Союза оказывается главным дестабилизирующим фак-

тором. Pax Sovietica -- весьма шаткая идея, которая множит, а не решает проблемы.

Чего же можно ждать после Брежнева (то есть и после Тито, Ходжи, Живкова, а, возможно, и после Кадара с Гусаком)? Это зависит от того, как будущее советское руководство (мы говорим не об одном человеке, а именно о целом руководстве, поскольку перемены затронут много политических деятелей) решит реагировать на взрывчатую ситуацию в Восточной Европе, и от того, какое место будет предоставлено этому региону в шкале предпочтительных интересов Советского Союза. Можно предполагать, что с экономической точки зрения положение Восточной Европы будет сложно и чревато серьезными последствиями. Экономические трудности большинства восточноевропейских государств, главным образом со снабжением энергией и сырьем, повлекут за собой еще большую их зависимость от Советского Союза, укрепят контроль Советского Союза над ними. Но будет ли в силах Советский Союз удовлетворить потребности стран Восточной Европы в энергоматериалах и сырье? Если, как предполагают многие специалисты, он этого сделать не сможет, страны Восточной Европы вынуждены будут обратиться к Западу, вследствие чего советское господство ослабнет. Но если Советский Союз все-таки будет экономически способен или сочтет политически необходимым оставаться основным поставщиком сырья в Восточную Европу, то остается вопрос, в какой степени ему удастся укрепить таким путем свою политическую гегемонию. 30 лет военного и экономического присутствия Советского Союза в Восточной Европе не обеспечили желательного для Москвы контроля над ней. Возможно, при экономической гегемонии "жесткая связь" восточноевропейских стран с СССР усилится, однако что же тогда произойдет с "подвижностью"? Ведь полное исчезновение "подвижности" может вызвать такое недовольство населения, что нестабильность примет огромные размеры. А в конечном счете может возникнуть такое положение, когда уже не будет ни "жесткой связи", ни "подвижности".

Вероятен и такой политический сценарий: затяжной кризис или просто длительность консолидации нового советского руководства создадут вакуум, подобный тому, какой образовался после смерти Сталина или отставки Хрущева. Такое положение в СССР может повлиять на страны Восточной Европы. Если экономическое положение там будет неблагоприятным или если там

тоже разразится вызванный сменой руководства кризис, то создавшаяся нестабильность скажется не только на обществе, но и на государстве, не только на управляемых, но и на правящих. Руководители окажутся перед альтернативой: либо просить помощи у Москвы, чтобы подавить общественное недовольство, либо полностью или отчасти присоединиться к недовольным. Если они выберут второе, Москва столкнется с самой серьезной после 1956 года ситуацией. Многое, конечно, будет зависеть от калибра и взглядов новых, пришедших на смену Брежневу руководителей. Они вынуждены будут не только справляться со сложнейшими политическими и экономическими трудностями самого Советского Союза, но и с комплексом проблем, который прямо или косвенно определит их отношение к Восточной Европе.

Более нормальные отношения со странами Восточной Европы могут сложиться, только если кардинально изменится московская концепция этого региона. Правда, до сих пор перемены в советском отношении к Восточной Европе сводились к закручиванию гаек там, где прежде допускалась определенная доля терпимости. Советское руководство не готово мириться с различиями в уровне жизни, которые явны даже при сравнении самой бедной из стран Восточной Европы с Советским Союзом, и с тем, что эти различия постоянно увеличиваются. Именно это могло обусловить советское решение в 1975 году повысить цены на сырье не только в большей мере, чем ожидалось, но и прежде, чем ожидалось. Те же различия в уровне жизни, вероятно, мотивировали желание СССР заставить союзников повысить их расходы на вооружение в 1978 году. Возможно, что такой образ мысли и явится определяющей чертой молодых политических деятелей, руководителей народного хозяйства и военных, которые вскоре придут на смену Брежневу и его соратникам. "Пусть Восточная Европа платит!"-- такова может быть будущая политика Советского Союза, но последствия ее непредсказуемы.